

ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ Н. Я. МАРРА О РАСКОПКАХ В АНИ (1892 г.)

Н. Я. Марр, видный советский ученый, многие годы своей жизни посвятил археологическим экспедициям, наиболее главными и важными из которых были раскопки столицы Багратидов.

В 1892, 1893 и 1904—1917 гг. Н. Я. Марр возглавлял и участвовал в 16 анийских археологических кампаниях.

В книге Н. Я. Марра об экспедициях в Ани¹, подготовленной к печати в 1932 г., дается анализ произведенных раскопок в 1892—1893 и 1904—1913 гг., т. е. речь идет о 12 археологических кампаниях. Из составленных по итогам экспедиций 16 отчетов в печати были опубликованы отчеты лишь за 1892, 1893 и 1904 гг.²

Помимо отчетов и дневников Н. Я. Марр регулярно посылал в Петербургскую археологическую комиссию докладные записки о ходе работ, представляющих интерес для исследователя.

Предлагаемые вниманию читателя докладные записки относятся к первой экспедиции в Ани, к истокам систематических раскопок.

Автографы хранятся в Архиве Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР (ЛОИА, ф. 1, 1892 г., д. 33) и публикуются впервые. Поскольку все докладные записки сосредоточены в одном деле, в легендах к ним дается лишь нумерация листов.

Публикация докладных записок Н. Я. Марра о последующих археологических экспедициях в Ани предполагается в других номерах журнала.

КЛАВДИЯ ПЕСКАРЕВА (Ленинград)
ОКТАБРИНА БАЛИКЯН

1

5 мая [1892 г.]
Москва

Императорской Археологической комиссии¹ честь имею сообщить, что, остановившись на день в Москве, чтобы навести некоторые справки у армян—уроженцев Эриванской губернии и г. Александрополя и запастись рекомендательными письмами к их родным и знакомым, я имел случай узнать о готовящейся графиней Уваровой поездке в Ани будущей осенью (1892) для раскопок. Графиня намерена заинтересовать капиталистов из армян, чтобы обеспечить дело с материальной стороны². Говорил мне об этом Григорий Абрамович Халатов, профессор Лазаревского института. Он же сообщил, что раскопки будут не продолжительны: имеется в виду приготовить доклад для предстоящего съезда³.

л. 24.

Н. Марр

¹ Н. Я. Марр, Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, М.—Л., 1934.

² «Отчет Археологической комиссии за 1892 г.», СПб., 1894, с. 75—86; «Отчет Археологической комиссии за 1893 г.», СПб., 1895, с. 33—36; «Отчет Археологической комиссии за 1904 г.» («Известия Археологической комиссии», вып. XVIII, с. 73—94).

2

13 мая [1892 г.]
Карсачай

В императорскую Археологическую комиссию честь имею сообщить, что в Тифлис приехал 11 мая: немедленно направился в Канцелярию главноначальствующего, где узнал, что на днях будет направлена бумага как Эриванскому губернатору, так начальнику Карсской области об оказании мне содействия, открытого листа мне не выдавали⁴. Пребывание в Тифлисе, продолжавшееся с 2 ч. пополудни 11-го по 9 ч. вечера 12 мая, будет описано в дневнике⁵.

Сейчас (13 мая) нахожусь в Карсачае по пути в Александрополь и не знаю, сколько времени придется ждать, пока дадут лошадей; у меня в руках нет никакого официального документа, чтобы влиять на станционного начальника.

Н. Марр

л. 18.

3

16 мая 1892 г.
Александрополь

Императорской Археологической комиссии имею честь сообщить, что 14 мая приехал в Александрополь, аппарат⁶ пока не получен; сегодня утром в 8 ч. выезжаю в Ани, куда мне будет сообщено о получении аппарата.

Одному золотых дел мастеру посоветовал выслать в Комиссию на просмотр имеющиеся у него монеты; не знаю, найдутся ли между ними интересные экземпляры, но во всяком случае на будущее время будут знать, куда и как направить археологические находки.

Архимандрит Нахапет Нахапетян, начальник Карсской армянской духовной епархии, под ведением которого считается и Ани, не знаю, шутя или серьезно высказался, что я не имею права вывозить вещи, имеющиеся найтись при раскопках из края без разрешения на то Эчмиадзинского синода, тик как Ани—собственность Эчмиадзинского монастыря⁷. Конечно, если бог даст, найдутся ценные вещи, я их не выпущу из рук и доставлю куда надлежит; сам архимандрит всячески содействует мне, чтобы устроиться в Ани и найти рабочих, но я счел нужным довести до сведения Археологической комиссии о взгляде Карсского архимандрита и прошу покорнейше снести с Эчмиадзинским синодом, так как могут произойти всякие случайности.

Впрочем я не знаю, насколько и на каких правах целое городище Ани присвоено Эчмиадзину; до занятия его нашими войсками вместе с перешедшею к России частью Турецкой Армении (ныне Карсская область) Ани был пустынным, необитаемым местом, лишь потом посажен архимандрит в Ани Эчмиадзинским синодом.

Во всяком случае сохранение отношений с армянским духовенством представляет одно из необходимых условий при раскопках и вообще археологических работах в Армении: это я испытываю на каждом шагу.

л.л. 20—21 об.

Н. Марр

4

23 мая [1892 г.]
Ани

Императорской Археологической комиссии.

Честь имею донести до сведения императорской Археологической комиссии, что после двух не совсем удачных раскопок в Ани в двух разных местах (подробности в дневнике) я направил рабочих на холм, возвышающийся на северо-западе от двухэтажной церкви св. Стефана: здесь результат вполне удовлетворительный в том смысле, в каком можно ожидать *всегда*^{*} результатов от раскопок в Ани: вещественных находок никаких, но зато богатый материал для истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи.

Под землею сохранились более или менее хорошо образчики армянской стенной живописи: св. Григорий, богородица (прекрасная головка), равно изображения других святых, приурочение коих затрудняюсь за отсутствием надписи. Оказались и надписи. Церковь во всяком случае до XII века: судя по надписи под крестом на камне, если эта надпись—дата, церковь 432 года армянского летосчисления, т. е. +551=983 года. Церковь, кажется, посвящена имени св. Григория. Живопись внутри на штукатурке, снаружи на камне горельефная: изображения орла, зайца, фазана, царя, тура и трех святых; орнаменты травчатые и узоры разнообразнейшие; я в большом волнении в ожидании фотогр[афического] аппарата: живопись может испортиться от всяких случайностей. Я с радостью вывез бы что-либо, если все орнаменты не были бы на тяжелых, слишком тяжелых камнях; о живописи нечего и говорить: едва ли доставлю ее до Собора¹, так они хрупки, т. е. штукатурка еле-еле держится; можно сожалеть, что нет здесь никакого помещения для древностей, курды, татары, армяне сами, иностранцы, образованные и неграмотные, все без различия с одинаковой бессердечностью расхищают древности Ани; люди, желавшие помешать моим раскопкам, занимаются продажей древностей Ани любому туристу: я сам одну чашку купил у лица, которое более и единственно восставал против того, чтобы я произвел раскопки и находки отправил *не в Эчмиадзин*. Если будет Ваше какое-либо распоряжение, покорнейше прошу сообщить телеграммой (Ани. Начальнику Шурагельского округа, капитану Надеждину), иначе письмо может не застать меня: я выезжаю из Ани 16—20 июня.

л.л. 25—26 об.

Н. Марр

* Единственное место, куда можно сложить все выкопанные орнаменты, но и это ничего не предохранит в будущем от расхищения (приписка Н. Я. Марра на полях).

5

2 июня [1892 г.]
[Ани]

В императорскую Археологическую комиссию.

Честь имею сообщить императорской Археологической комиссии, что раскопки в Ани закончатся на этой неделе (к 7 июня), и затем я буду занят лишь сличением надписей (лишь отчасти, т. к. многие теперь уже не читаемы, настолько пострадали) и проверкою сообщений Brosset⁹ и других описаний Ани. После 7-го я займусь также приготовлением снимков с выкопанных картин (фрагментов) и орнаментов; до сих пор не получен фотографический аппарат, хотя уже неделя с лишним, как извещен о высылке его из Петербурга. Время основания церкви (расписанной) не удалось выяснить с достоверностью: работы кончаются, а главной надписи о построении все нет к несчастью.

С южной стороны мы копали дверь, так по крайней мере я думал: оказалось, что это кладбище при церкви (в ее ограде), но все надмогильные плиты (свыше десяти) простые и без надписей. Сама церковь оказалась против ожидания маленькой: обилие фрагментов стеной живописи и орнаментов (последних в *равном* количестве нет ни на одной церкви в Ани; не помню я такого количества орнаментов и в других местах Армении на *одной* церкви, насколько припомню из виденного в атласах и в подлинниках) давало повод думать, что церковь—огромная; на деле это часовня, длиной приблизительно 4 (четыре) сажени¹⁰ и в ширину около двух сажений; смущает еще одно обстоятельство: именно отсутствие дверей и *следов* даже дверей, но подробнее об этом в дневнике.

В Сардарабаде (недалеко от Армавира) нашли плиту с клинообразною надписью; камень был заделан в стену завода масла. Лицо, заинтересовавшееся и заказавшее фотографический снимок (дьякон в Эчмиадзине), прислал мне снимок. Это надписи в двух экземплярах, которые и вышлю я при первом удобном случае; один экземпляр на мое имя, но специалистам, занимающимся клин[ообразными] надписями гораздо нужнее.

Н. Марр

л.л. 41—42 об.

До 15—18 июня я останусь в Ани, зачем мой адрес: «Карсская область, начальнику Кагызманского округа Ивану Ивановичу Драчеву для передачи Н. Марру».

6

18 июня 1892 г.
[Ани]

В императорскую Археологическую комиссию.

Честь имею сообщить императорской Археологической комиссии, что от торговца александропольского Якова Гаранова, занимающегося между прочим собиранием монет и старинных вещей, отобрал десять

серебряных и десять медных монет и высылаю с тем, чтобы знатоки дела оценили пригодные, если таковые есть между ними, а остальные были возвращены собственнику по адресу: «Эриванская губерния, Александрополь, Якову Гаранову». Сам собственник ничего не смыслит и понятно, цены не назначает.

Я с своей стороны пока избегаю покупки монет, если есть возможность направить их к специалистам в СПб. Я и так совершил несколько опрометчивый поступок и не знаю, как отнесется к нему императорская Археологическая комиссия. Дело в том, что от того же лица за довольно крупную сумму купил шесть вещей, которые вскоре получите.

Особенно мне кажется переплатил за печать (серебряная) с армянской надписью на одной (из трех сторон), с двуглавым орлом на другой и с ручкой (крылатый лев). За эту вещьцу не более вершка я уплатил пять рублей: торговец за меньшее не уступал, а меня соблазнила дата арабскими цифрами.

По моему соображению (так как армянская надпись гласит «Раб Христа Григорий») это была печать католика (XIII в.) Григория Анаварийского, если читать цифру даты 656. С другой стороны, дата может быть читаема 252 (арм[янское] лет[осчисление], следовательно, $+551 = 803$ г. по Р. Хр.), и это обстоятельство в связи с другим (над двуглавым орлом корона) давали повод предполагать, что это печать одного из армянских князей-царей (Арпируни?). Возможно, я совершенно заблуждаюсь: никогда не занимался армянскими [г]еммами и печатками самостоятельно, а так в литературе ничего нет по вопросу. Но я решился еще потому, что масса древностей отсюда высылается в Англию: любители, как этот Гаранов, скупают случайные находки и даже производят специальные раскопки (sic) и все отправляют за границу. Раскопки производятся здесь частными промышленниками всюду без особенного затруднения, судя по словам самого Гаранова.

Если нельзя охранять древностей от подобного расхищения, то пусть по крайней мере находимые предметы направляются в наши учреждения.

С такими собирателями одна беда, что никак не добьетесь точных сведений о местах нахождения. Они знают, но не говорят: это хуже всего. Во всяком случае, повторяюсь, полезнее знать их, чем игнорировать, и потому я взял у него несколько вещей и вручил ему адрес императорской Археологической комиссии на будущее время.

Н. Марр

л.л. 36—37 об.

[23 июня 1892 г.]
[Ани]

Императорской Археологической комиссии.

Честь имею довести до сведения императорской Археологической комиссии, что, оставляя Ани, я высылаю сделанные мною фотографи-

ческие снимки (прилагаю при сем список), проявленные, найденные, и большей частью купленные вещи (при сем список) и четыре образчика стеной живописи из раскопанной мною церкви. Так как из денег, ассигнованных на настоящую поездку, остается у меня незначительная сумма, а я во что бы то ни стало намерен произвести раскопки на развалинах двух древнейших столиц Армении (Багратан и Армавир), позволил я себе в мелочах обращаться непосредственно к комиссии, именно, телеграммою просил восемь дюжин Ильфорда пластинок (у меня всего теперь две нераскрытые коробки); кроме того, если в обществе транспортирования кладов отправка камней с фресками обойдется дорого, то часть посылки направляю, не уплатив за провоз.

В продолжение следующих двух недель я совсем буду отрезан от местностей с почтою или телеграммою, и лишь затем из Эчмиадзина будет возможность писать о себе.

В Большом Караклисе найдена марганцевая руда, а о подземном ходе я ничего не слыхал. Осведомлюсь в Александрополе.

Я хотел со снимками — думал выслать свой дневник, но не решился: боюсь пропадет.

То, что раскопки на землях, принадлежащих общественным учреждениям, предоставлены императорской Археологической комиссии, безусловно, мне было известно, но я не хотел раздражать население и главным образом духовенство: ко всякому шагу относятся с недоверием, теперь же они готовы все показать; императорской Археологической комиссии я телеграфировал о непосредственном моем сношении телеграммою с Эчмиадзином во избежание недоразумений. Через прокурора дело могло затянуться; я воспользовался тем, что лично знаком с заместителем католикоса.

До сих пор я не получаю открытого листа; испытываю большие неудобства в найме лошадей; без «бумаги» всюду плохо принимают, т. е. негде даже лошадей накормить, не говоря о себе.

Завтра буду в Александрополе и намерен телеграфировать главному начальствующему.

Выписывать г. Боренштама я не решился сразу, так как со дня на день собирался выехать из Ани и не узнал еще, что ассигнована особая сумма для поездки Б[ереншта]ма из Тифлиса в Ани. Видя с другой стороны понятное желание императорской Археологической комиссии получить точное представление о раскопанных мною фресках, я отобрал четыре лучшие экземпляра голов (две — богородицы, одна — Христа и одна, кажется, святого Карапета (Иоанн Креститель), заказал отпилить до известной степени лишний груз (камень) и упаковал осторожно, насколько было в моих силах: милостию божьей, надеюсь фрагменты эти (как и все более или менее поврежденные) придут целыми в СПб.

Остальные я сложил в отдельном притворе Собора и поручил местному вардапету смотреть за ними.

Имея в руках четыре образчика в подлинниках и фотографические снимки всех остальных, императорская Археологическая комиссия может теперь сама признать необходимым или лишним срисование аквар[елью] найденных мною фресок.

Если императорская Археологическая комиссия пожелает иметь в СПб-ге тот или другой оригинал фотографических снимков с орнаментов и вообще резных на камне рисунков, то и это легко устроить; камни сложены в соборе, и стоит только написать начальнику Шурагельского участка капитану Надеждину о сем (при письме фотографический снимок желаемого подлинника). Камни, конечно, тяжелые (два, три и более пуда), и распилить их и трудно и не имеет смысла: мастер возьмет почти столько же, сколько обойдется перевоз распиленного камня.

В числе нескольких дюжин пластинок лишь две пластинки (№ № 11 и 12 в VIII коробке) не проявлены: из ванн одна оказалась слишком старою, другая была повреждена (хотя и новая); к концу обе стали совсем непригодными. Проявители текли из них как через сито, не было никакой возможности обливать равномерно пластинки проявителем, и я оставил проявление. В будущем все пластинки будут не проявленные. Снимки высоких зданий не удаются так, как было бы желательно: не всегда случаются поблизости возвышения, а удаляясь, имеющимися у меня объективами получаю совершенно непригодные микроскопические снимки; объектив даже не позволяет пользоваться удобством одного аппарата, именно, когда подымаю объективную дощечку, чтобы уместить на пластинке верх, например, купола церкви, в углах на стекле не получается никакое изображение.

Особенно сожалею, что не удастся снимать надлежащим образом орнаменты, помещаемые слишком высоко; я хотел собрать по экземпляру от каждого своеобразного рисунка резных на камне узоров.

Вместе с пластинками высылаю моментальный затвор, оказавшийся лишним (экспозиция менее $3\frac{1}{2}$ секунд дает слабые негативы), две ванны для полупластинок (хотя и большая ванна, но не уместилась в ящике), мензурку, два вклада для полупластинок и книгу Броссэ.

В Караклис я теперь не поеду: может быть, удастся на обратном пути: до Караклиса отсюда (Александрополя) 60 верст; о подземном ходе Караклиса читал в армянской газете «Мшак», откуда перепечатано сообщение и в тифл[исской] рус[ской] газете «Новое обозрение».

Хотел получить открытый лист, отсутствие которого очень затрудняет жизнь и путешествие в деревне; написал уже месяц в Карс и Эривань, прося открытый лист, власти никакого ровно ответа мне не дали, хотя в Тифлисе уверяли меня в Канцелярии главноначальствующего, что открытый лист будет дан местными властями и несомненно им написано по этому поводу. Я сегодня телеграфировал главноначальствующему, прося его содействия.

В ответ я получил сообщение, что об оказании мне содействия написано в Карс и Эривань, в чем я никогда не сомневался ни минуты.

Всякий иностранец пользуется открытым листом и правом всяческим, всяческими удобствами при переезде, при найме рабочих, лошадей, арбы и пр.: почему же мне отказано в том же самом (открытом листе)? Я решаюсь высказаться перед императорской Археологической комиссией, так как очевидно местные власти высказывают небрежное отношение к моим заявлениям, к моим просьбам: словесные заявления о готовности содействовать не приводят ни к чему; если я настаивал на том, чтобы выдали мне открытый лист, то имел серьезные основания. В каждую поездку из Ани мне приходится голодать, равно лошадям. За отсутствием открытого листа чуть не утонул при переезде около Гошаванка¹¹; насилу убедили после продолжительных просьб одного, чтобы провез нас через Арпачай.

23 июня. Только что принесли ко мне оружие из стали, целиком почти разукрашенное горельефными рисунками. Описание не прилагаю, так как надеюсь удастся выслать: правда, он запросил необычайную сумму (60, шестьдесят рублей), и здесь нашелся человек, который притворно или действительно готов купить у него за эту сумму, но я хочу убедить собственника, чтобы он выслал в императорскую Археологическую комиссию на рассмотрение. Я больше 15 рублей не решаюсь предложить; говорят, оружие это найдено крестьянами в Ани около дворца. Другие сообщили, что найдено около Гошаванка ([в] восьми 8 верстах) от Ани. По-моему это не оружие, а знамя (signum). Если Археологическая комиссия пожелает снестись с собствен[ником] до моего возвращения, то адрес его: «Александрополь в Эриванской губернии Хаджи Акопов-Кашимов».

Знамя это из трех фрагментов, недостает трех кусков.

От другого лица*, именно часовщика Налянца, взяты четыре вещи, перечисленные в списке.

За фрагменты бронзового кинжала, говорят, ему предлагали 20 рублей! Я сомневаюсь. Все эти вещи, по его словам, найдены в Александропольских каменоломнях: скала обрушилась, открылась могила и нашли эти вещи (про медаль впрочем раньше говорили, что найдена в другом месте, неизвестно где).

Сегодня, 23 июня, еще не удалось выехать из города. Завтра с рассветом возвращаюсь в Ани, чтобы оставшись там один или много два дня продолжать маршрут Алем¹², Дигор¹³, Бешкилиса и Багаран¹⁴, где намерен произвести раскопки и остаться две недели приблизительно.

За провоз вещей уплачено. Прилагаю при сем две квитанции.

Н. Марр

л.л. 50—54 об.

* Сноситься можно с этим лицом через викарного Александропольского армянской духовной епархии архимандрита Гарегина Сатунянца (примечание Н. Я. Марра).

15 июля [1892 г.]
Курдуклю¹⁵

Императорской Археологической комиссии честь имею сообщить, что пробыв около двух недель в Багаране (откуда несколько раз посещал Мрен¹⁶, равно другие окрестные местности) и осмотрев развалины по берегам Ахуряна (Арпачая) и Аракса (от впадения Арпачая до Каракала)¹⁷, я направился к так называемому местонахождению древнего Армавира¹⁸, куда и прибыл сегодня.

В Багаране произвел небольшую раскопку без результата; главное занятие мое в Багаране и в соседнем Мрене было чтение неразобранных надписей, снять с коих копии каким-либо способом или сделать фотогр[афический] снимок не было никакой возможности. Результаты обследования древностей указанного района сводятся к тому, что в местах (Багаран, Ервандашат¹⁹ и др.), где предполагались развалины построек языческих времен, их не находим; во всяком случае то, что считается или относится ко временам языческим, на деле оказывается произведением периода Анийских Багратидов (IX—XI в. по Р. Хр.) и позже. Этот отрицательный результат еще более убеждает меня в правоте мнения, которое, надеюсь разделит имп[ераторская] Арх[еологическая] комиссия. Раз древнейшие памятники исчезают в позднейшем наслоении почти одного и того же времени, необходимо изучить памятники этого позднейшего времени, для которого имеется обильный материал, главным образом в Ани, чтобы от известного перейти к неизвестному.

Я по крайней мере убежден, что пока в Ани не будут произведены капитальные раскопки, пока не будут изучены в целостности и подробностях армянские древности Багратидского и позднейшего (до XIV в. включительно) века, все рассуждения и соображения о более древних временах, особенно же о дохристианской поре Армении, будут произвольны, неосновательны и скороспелы.

На том же основании я с большой неохотой решаюсь произвести небольшую раскопку здесь, в предполагаемом месте нахождения Армавира.

Осмотрев внимательно на месте раскопки, производившиеся тут, я пришел к убеждению, что у работавших на этом предполагаемом городище не было никакой руководящей мысли, работы начинались и прекращались в разных местах случайно, наугад: подумаете, что люди искали клад на основании каких-либо видений, как это часто бывает в этих краях.

Возможно, тут и есть Армавир, но искать Армавир и копать в нем мы не должны раньше, чем отыщем, раскопаем и изучим места также древние, но с более определенным местоположением.

Подробнее по этому вопросу и яснее я постараюсь изложить свое мнение в отчете. Я написал бы еще несколько слов о внешних обстоятельствах моего путешествия, если бы не стеснялся надоесть постоян-

ными жалобами на намеренное *несодействие* со стороны местного начальства и почти невозможные условия жизни.

Н. Марр

Р. С. Через 10—12 дней надеюсь быть уже в Караклисе.
л.л. 78—79 об

9

19 июля [1892 г.]
Курдуклю
(Эчмиадзинского уезда)

Императорской Археологической комиссии.

Честь имею сообщить: случайно в мои руки попали корреспонденции о моей поездке, помещенные в местных газетах; во всех прочитанных мною корресп[онденциях] больше неправды, чем правда. Совершеннейшее измышление м[ежду] про[чим] будто я нашел кувшин с монетами, будто фотограф Папазян делал снимки для и т. п., будто найдены мною камни с «Таинственными надписями» и мн. др.

Я собирался телеграфировать, чтобы снеслись Вы с главноначальствующим о воспреещении производить частным лицам раскопки; в Армавире крестьяне копают исторический Холм, так как землю Холма (Тапа или Блур) удобряют почву; при этом делаются лучшие случайные находки, которые по закону следовало бы направлять в комиссию.

Убедительно прошу снестись по этому поводу с главноначальствующим.

Н. Марр

л. 77.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Археологическая комиссия основана в 1859 году. В 1889 г. получила исключительное право разрешать и контролировать раскопки. Вела работу по реставрации и охране памятников старины. В 1919 г. была ликвидирована и функции руководящего центра советской археологии были возложены на вновь организованную Российскую академию истории материальной культуры.

2. Об огромном вкладе армянских общественных и других организаций Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону свидетельствуют следующие данные. К концу 1908 г. из 30024 руб., израсходованных на анийские раскопки, 28081 руб. составляли пожертвования армян и поступления от лекций Н. Я. Марра об Ани и доходы от изданий (ЦИИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 1, д. 538, л. 2 об).

3. Речь идет об археологических съездах, периодически созывавшихся в различных городах России. Очередной съезд состоялся в Вильнюсе в 1893 г.

4. Открытый лист—официальный документ, дающий право на проведение археологических работ.

5. Дневник хранится в делах Археологической комиссии (Архив ЛОИА, ф. 1, 1892 г., д. 33, л. 147—240).

6. Речь идет о фотоаппарате.

7. Территория Ани пространством в 195 десятин с 1890 г. перешла в ведение Управления государственными имуществами Эриванской губернии и Карсской области как казенный свободный участок, который сдавался в аренду с торгов на общих

основаниях представителями карсского армянского духовного правления (ЦГИА Арм. ССР, ф. 133, оп. 1, д. 3370, л. 2 и 5).

8. Здесь и далее подчеркнуто Н. Я. Марром.

9. Броссе М. И. (1802—1880)—русский академик, ориенталист, лингвист, историк («Отчеты об археологическом путешествии по Грузии и Армении» в 3-х книгах с атласом, СПб., 1849—1851). Автор специально посвященного городу Ани труда «Руины Ани» (I—II, СПб., 1860—1861).

10. Сажень равна 2,13 м.

11. Гошаванк, Кошаванк—ныне селение Айкадзор Алийского района Арм. ССР.

12. Алем, Алям—в древности Алами, курдское селение в Нахичеванском участке Кагызманского округа Карсской области (И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 394).

13. Дигор—селение в Нахичеванском участке Кагызманского округа Карсской области.

14. Багаран—городище при селении Пакран в Нахичеванском участке Кагызманского округа Карсской области (И. А. Орбели, Избранные труды, с. 390).

15. Курдукулю, Курдукули—ныне селение Армавир Октемберянского района Арм. ССР.

16. Мрен—городище в Кагызманском округе Карсской области.

17. Каракала—селение в Суриалинском уезде Эриванской губернии.

18. Армавир—ныне селение в Октемберянском районе Арм. ССР.

19. Ервандашат—столица древней Армении, сооружена в конце III и начале II в. до н/э. Находилась недалеко от теперешнего селения Ервандашат Октемберянского района Арм. ССР